

Наконец, Максиму Греку приписывались слова: «вел. кн. Василий выдал землю крымскому царю, а сам, испугавшись, побежал от турецкого. Да и как ему не бежать? Пойдет на него турецкий царь и ему нужно дать харач (дань) или бежать». «Обвинение это, — цитирую опять Голубинского, — непонятно, а именно — не видно в нем, к кому относится: „а сам, испугавшись, побежал“, — к великому князю или хану. Если к великому князю, то мы вовсе не можем указать случая, который бы разумелся. Если к хану, то обвинение нужно понимать так: Максим смеялся над великим князем, что он выдал свою землю крымскому хану, а напротив последнего, когда этот побежал от султана, старался оправдывать, говоря, что ему и нельзя было не бежать, потому что и пр. Что касается до выдачи великим князем своей земли хану, то тут, нет сомнения, разумеется внезапное и страшное нашествие на Москву хана Магмед-Гирея в 1521 г., когда великий князь удалился из Москвы в Волоколамск и когда он увидел себя вынужденным купить у хана мир ценою обязательства платить ему дань. Что Максим мог отзываться о поведении великого князя в сем случае с большей или меньшей критикой, это совершенно возможно».¹

Объяснения Голубинского в большей части своей должны быть приняты: из четырех пунктов обвинений последние два пункта, действительно, сводятся к одностороннему и пристрастному толкованию отдельных критических замечаний Максима, которые могли высказываться им по поводу отношений к султану и к крымскому хану. Второй пункт вменял Максиму в вину, что он не сделал доноса на турецкого посла Скиндера. Замечания Голубинского только по первому обвинению в сношении Максима с Турцией и в том, что он вместе с Саввой подымал султана на великого князя, кажутся не во всем убедительными и вызывают некоторые возражения. На вопрос Голубинского, для чего двум греческим монахам, живущим в Москве, возбуждать султана к войне против великого князя, Дунаев отвечает: «На это мы, во-первых, заметим, что прямой интерес греков мог их побудить сделать это — отыскивать султану врагов, чтобы тем самым скорее добиться осуществления заветной мечты: освобождения Греции от турецкого ига. Во-вторых, мы постараемся расследовать, действительно ли Максим действовал по приезде в Россию сам-друг только».² Дунаев указывает на важную роль отдельных русских греков в посольском деле и, сопоставляя ее с деятельностью турецкого посла грека Скиндера, официально действовавшего от имени Турции, но тайно проводившего известную греческую тенден-

¹ Ibid., стр. 717.

² Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, стр. 12, М., 1916.